

Глава 7. Выселение

Цзян Сяньян вышел на дорогу и поймал такси.

— В социальный квартал, пожалуйста.

Откинувшись на заднее сиденье, он зевнул и по привычке достал телефон. Экран оставался чёрным.

В нём, как в зеркале, отразилось его измученное лицо.

— Водитель, можно у вас зарядку одолжить?

Таксист, не отрывая руки от руля, бросил ему провод с приборной панели.

Цзян Сяньян выпрямился, подключил телефон и, не в силах больше бороться со сном, опёрся головой о спинку переднего сиденья.

Глаза слипались. После такой ночи, стоило только расслабиться, как его тут же начало клонить в сон.

Как только телефон включился, на экране появилось двадцать непрочитанных сообщений.

Он пробежался по ним глазами: восемнадцать от Пан Дахая, два — от хозяйки квартиры с напоминанием об аренде.

[Пан Дахай]: Цзян-цзы, ты в порядке? Какого чёрта ты поёрся в ту школу?

[Пан Дахай]: Чёрт, я тут попросил друга пробить инфу по этой школе, место стрёмное, не лезь на рожон.

[Пан Дахай]: Ответь, срочно! Срочно! Срочно!

[Пан Дахай]: Твою мать, Цзян-цзы! Почему твой стрим оборвался?!

[Пан Дахай]: Почему твой телефон вне зоны доступа?!

[Пан Дахай]: Я еду в полицию, держись там.

[Пан Дахай]: Чёрт, заявление принимают только через 24 часа.

Пролистав до конца, он увидел кучу стикеров от Пан Дахая: «Срочно», «Очень срочно», «Король срочности».

Честно говоря, после всего пережитого этой ночью эмоции нахлынули с новой силой. Стало как-то горько.

Родители умерли, когда он учился в старшей школе. Все эти годы он выживал один. И найти друга, которому небезразлично, жив ты или мёртв, — это было большой удачей.

Цзян Сяньян протёр уставшие глаза и набрал ответ:

«Всё в порядке».

Сообщение ушло, но Пан Дахай его не прочитал. Цзян Сяньян открыл чат с хозяйкой.

[Тётя Чжан]: Сяо Цзян, как там с арендой?

[Тётя Чжан]: Я знаю, у тебя жизнь нелёгкая, но Да Ян скоро женится, у меня просто нет другого выхода.

Да Ян был сыном тёти Чжан. Недавно он вернулся из столицы, нашёл себе девушку в их городе, и они собирались пожениться.

Вообще-то, тётя Чжан все эти годы относилась к Цзян-цзы как к родному сыну. Знала, что ему, блогеру, живётся нелегко, перебивается с хлеба на воду, поэтому всегда шла навстречу с оплатой, а иногда и подкармливала домашней едой.

Теперь её родной сын женится. По-хорошему, Цзян Сяньян должен был бы и подарок подарить.

Он быстро напечатал:

«Тётя, не волнуйтесь. Я вчера заключил крупный контракт. Если вам удобно, можете подойти в любое время».

За окном заморосил мелкий дождь. Капли стекали по стеклу, размывая огни города. В потоке машин сновали люди, и гудки автомобилей постепенно стихли.

Цзян Сяньян подумал и добавил:

«На улице скользко, будьте осторожны, когда поедете».

Хозяйка быстро ответила стикером с улыбающимся человечком и жестом «ОК».

Цзян Сяньян погасил экран. Машина то ускорялась, то тормозила, и сон как рукой сняло. Он откинулся на спинку сиденья и, опустошив мысли, стал смотреть на проплывающие мимо пейзажи.

Минут через десять такси остановилось у старого жилого комплекса. У входа толпились торговцы, их крики разносились по всей округе. Жильцам приходилось протискиваться между лотками.

Не успела машина остановиться, как сзади уже начали нетерпеливо сигналить. Цзян Сяньян достал из кармана последние двадцать юаней и вышел.

Во дворе кипела жизнь. Дети с криками гоняли мяч. Цзян Сяньян, уворачиваясь от них, помог подняться одному малышу.

С верхних этажей доносился детский плач, смешанный с родительской руганью и звуками ударов. В соседнем подъезде громко ссорились муж и жена, а их старенькая мать, опираясь на палку, пыталась их разнять.

Цзян Сяньян прожил здесь три года, с самого окончания университета. Он посмотрелся на такие сцены. Редкая семья жила в мире и согласии. Ссоры из-за денег и быта были обычным делом. Наверное, правду говорят: бедность разрушает любовь.

Ключ повернулся в замке. Из квартиры донёсся голос Пан Дахая.

— Брат, ну что, есть новости? Помоги найти, пожалуйста. Полиция заявление не принимает, я не знаю, что делать. Да, да, на проспекте Хучэн. Если что-то узнаешь...

Пан Дахай, с телефоном у уха, нервно расхаживал по заваленной гостиной. Он то и дело невнятно мычал в трубку, зажав в зубах сигарету.

Услышав шум, он обернулся и увидел на пороге Цзян Сяньяна.

— Твою мать.

Он хотел было поприветствовать друга, но из трубки послышалось: «Алло?». Пан Дахай быстро сказал в телефон: «Всё в порядке, брат, как-нибудь выпьем», — и повесил трубку.

— Чёрт, Цзян-цзы, что с тобой стряслось? — Пан Дахай потушил сигарету в пепельнице и, забрав у него оборудование, принялся осматривать его с ног до головы.

— Крупный заказ взял, — Цзян Сяньян скинул обувь и рухнул на диван, тут же начиная язвить.
— Пан, ты, наверное, расстроился, что я вернулся, да? Поминки отменяются, жаль, да?

— Да пошёл ты, опять за своё. Жить без этого не можешь, — Пан Дахай уже привык к его выходкам и не обратил внимания. Он вытащил из-за дивана папку и бросил её на столик.

— Цзян-цзы, серьёзно. Вчера, когда ты стримил, твой главный донатер позвал тебя в ту школу. Я сразу попросил друга пробить это место. И, чёрт, лучше бы я этого не делал.

— Что такое? Что случилось? — Цзян Сяньян лениво взял папку, его лицо выражало крайнюю усталость.

Открыв её, он снова испытал тот же шок, что и прошлой ночью.

Он уставился на фотографию на обложке, и у него вырвалось:

— Твою мать!

Он указал на женщину на фото, потом перевёл взгляд на Пан Дахая, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты... нет... я...

— Что такое? — Пан Дахай непонимающе посмотрел на папку.

— Брат, я вчера её видел.

— Твою мать!

Теперь настала очередь Пан Дахая таращить глаза.

На обложке была та самая женщина-призрак из танцевального зала, та, что поворачивала голову с хрустом шестерёнок.

На фотографии она, в красном платье, повесилась в том же зале. Язык вывалился, глаза широко раскрыты.

— Брат, ты не шутишь? — Пан Дахай схватил со стола стакан с водой, сделал несколько больших глотков и, серьёзно посмотрев на Цзян Сяньяна, сказал: — Эту информацию мне дал один знающий друг. Эта женщина...

Он ткнул пальцем в фотографию.

— Умерла в канун Нового года, в час Крысы. Очень злой дух. Уже двадцать лет ни один мастер в городе не решается с ней связываться. А ты говоришь, что видел её вчера?

Цзян Сяньян кивнул. То ночное оцепенение снова охватило его. Сердце бешено заколотилось.

Перед глазами снова возникло искажённое лицо призрака.

— Цзян-цзы, слушай. В те годы был полный беспредел. Эту девушку изнасиловали несколько ублюдков. Она забеременела. Её семья устроила скандал, но тех уродов так и не нашли. Школа, боясь огласки, заставила её уйти. Доведённая до отчаяния, она повесилась.

— И знаешь, почему это место до сих пор не снесли, а просто перекрыли дорогу?

Пан Дахай посмотрел на застывшего Цзян Сяньяна и продолжил:

— Пытались снести несколько раз. Несколько застройщиков брались за этот проект. Но как только начинались работы, в строительных бригадах обязательно кто-то погибал.

— А мастеров не звали? — спросил Цзян Сяньян.

Пан Дахай указал пальцем вверх.

— Звали. Даже сверху присылали людей. Никто не справился.

Цзян Сяньян оцепенел. Если бы не тот незнакомец, он бы вчера там и остался.

— А... что с теми, кто её... — заикаясь, спросил он.

— Все мертвы. Ужасной смертью, — Пан Дахай протянул ему сигарету.

— Их было трое, обычные уличные отморозки. Один умер у себя дома, с широко раскрытыми от ужаса глазами. Второй — в туалете клуба, его нашли, когда он уже начал разлагаться, весь в нечистотах. А с третьим — ещё хуже.

Цзян Сяньян затаился. В груди стоял ком.

— Последний, говорят, был зачинщиком. Он облил себя бензином прямо на улице, на глазах у всех, и сгорел заживо на перекрёстке.

Цзян Сяньян снова посмотрел на фотографию и надолго замолчал.

Пан Дахай похлопал его по плечу.

— Серьёзно, брат, что с тобой вчера случилось?

Дзынь-дзынь.

От неожиданности оба вздрогнули.

Дверной звонок.

Они переглянулись. Цзян Сяньян беззвучно произнёс: «Тё-тя Чжан».

Пан Дахай всё понял. Они разделились.

Он начал закидывать папку под диван, а Цзян Сяньян, нацепив самую обаятельную улыбку, пошёл открывать.

— Тётя Чжан, здравствуйте! — радостно крикнул он.

Цзян Сяньян был симпатичным парнем: светлая кожа, большие глаза, а улыбка — как солнце. К тому же, он всегда был вежлив. Женщины в возрасте таких обожали.

Хозяйка не была исключением. Увидев его, она расплылась в улыбке.

— Кушал, Сяо Цзян?

Пан Дахай, убрав папку, тоже подошёл.

— Здравствуйте, тётя Чжан.

Тётя Чжан ласково кивнула. Пан Дахай проводил её в гостиную, налил воды.

— Хорошо, что вы оба дома. Я сегодня ненадолго. Вы оба хорошие ребята, я вас люблю, но Да Яну срочно нужны деньги на свадьбу, так что... — она говорила намёками. Они переглянулись.

Цзян Сяньян достал телефон.

— Тётя Чжан, вы столько лет заботились о нас, как о родных. Мы, конечно же, не будем задерживать оплату. Я сейчас выведу деньги с платформы и сразу вам переведу.

Тётя Чжан улыбнулась, но лицо Пан Дахая вдруг изменилось. Он незаметно дёрнул Цзян Сяньяна за рукав.

Тот подумал, что у друга опять проснулась жадность, и сердито на него посмотрел.

Столько донатов вчера получил, а он жмётся из-за аренды? стыдоба.

Он виновато улыбнулся тётке Чжан, отмахнулся от руки друга и продолжил возиться с телефоном.

Прошла минута...

Тётя Чжан улыбалась, Цзян Сяньян улыбался, а Пан Дахай выглядел так, будто у него жена сбежала.

Прошло две минуты...

Тётя Чжан всё ещё улыбалась, Цзян Сяньян тоже, а Пан Дахай, казалось, вот-вот расплатится.

Прошло десять минут...

— Твою мать! Что значит «подозрение в мошенничестве, средства заморожены»?!

Пан Дахай был на грани слёз.

— Цзян-цзы, твой канал вчера заблокировали. Я пытался тебе сказать, но ты не слушал.

Цзян Сяньян застыл. Тётя Чжан тоже.

— И что теперь?.. — она переводила взгляд с одного на другого.

Цзян Сяньян сглотнул и, натянув самую ослепительную улыбку, сказал:

— Тётя, а вы не могли бы дать нам ещё пару дней?

Бум.

Дверь захлопнулась. С вещами в руках они оказались на улице.

— Дахай, как думаешь, под мостом переночуем? — Цзян Сяньян смотрел в небо. У его ног валялись сумки и пакеты.

— Цзян-цзы, я тебе ещё кое-что не сказал.

Цзян Сяньян повернулся. Пан Дахай, почесав затылок, виновато произнёс:

— Моя девушка предложила мне переехать к ней.

Цзян Сяньян с каменным лицом снова уставился в небо и выдавил два слова:

— Катись.

<http://bllate.org/book/13432/1195906>